

Инициационные мотивы в современном солдатском фольклоре

Служба в армии – тема «вечная» и для профессионального, и для народного искусства. Сами военнослужащие не без юмора утверждают, что солдат появился на свете чуть ли не раньше Адама:

*Раз гулял по саду Бог,
Видит, кирзовый сапог.
Он его перекрестил
И солдата сотворил.
Осмотрел свое творенье
И присел от удивленья.*

*Перед ним стоит детина,
На щеках его щетина,
Ростом прямо с каланчу
И орет: «Я жрать хочу!»
Бог, две ночи не поспав,
Сотворил ему устав.*

(Колл. «Дембельский альбом» (далее: ДА):
Ед. хр. 12. Оп.1. № 92.)

Впрочем, в современном солдатском фольклоре есть и другие, «материалистические» версии появления военной профессии:

*Когда на земле еще не было нас,
И разум не знал о вселенной,
Один первобытный другому дал в глаз –
Вот так появился военный.*

(ДА: Ед. хр. 9. Оп.1. № 32.)

Однако речь в статье пойдет не о солдатском юморе, а, напротив, событиях драматических. Так в 2006 г. вся страна с искренним сочувствием следила за судьбой рядового Андрея Сычева¹, искалеченного пьяным сослуживцем-старослужащим. СМИ наперебой стали вспоминать другие аналогичные случаи²,

* **Владислав Александрович Липатов** – канд. филол. наук, доцент кафедры фольклора и древней литературы филологического факультета Уральского государственного университета (Екатеринбург).

¹ **Кузнецова Т., Лузин М., Потапов А.** Армейская гангрена // Аргументы и факты (АиФ). 2006. № 5; **Сычёва Г.** Может, наша беда что-то изменит? // Комсомольская правда (КП). 2006. 16–23 марта; **Сварцевич В.** Кто спасает рядового Сычёва? // АиФ. 2006. № 11; **Волгин Ю.** Розовые очки для генерала // Труд-7. 2006. 23 марта.

нередко подверстывая под слово «дедовщина» все, что, по мнению журналистов, нередко и не служивших в армии, противоречило их представлениям о гуманности, правах человека и либеральных ценностях³. Подняла свой голос и общественность: мирская, религиозная и правозащитная⁴.

По накалу страстей нынешняя кампания походила на волну общественного возмущения 1989 г. в связи с драматической историей солдата-срочника Артураса Сакалаускаса, доведенного до крайней степени отчаяния неуставными унижениями⁵. Тогда, насколько помню, дело закончилось созданием Комитета солдатских матерей.

Чем закончится сегодняшняя кампания против «дедовщины» в армии и, главное, кто в этой игре, превратившейся из этической в политическую⁶, «сорвет банк», пока неясно. Однако, утверждать, что «неуставные отношения», как официально называет это беспокоящее всех явление военное руководство страны, привлекает внимание только СМИ, – совершенно неверно. Еще до «дела Сакалаускаса» проблемы «дедовщины» обсуждали уво-

² *Самодолова С.* Кто ответит за Коблова? // Московский комсомолец (МК). 2006. 8–15 февраля; *Анатольева Л.* «Дед» бил, бил... // Труд-7. 2006. 9 февраля; Как победить дедовщину (полоса, подготовленная Павлом Ереминым и Татьяной Кузнецовой // *АиФ*. 2006. № 6; *Лузин М.* Служба довела до «психушки» // *АиФ-Урал*. 2006. № 6; Как выжить солдату в казарме // *АиФ*. 2006. 8–16 февраля; 2006. 16–23 февраля.

³ Например, выяснилось, что «дедовщина» есть и в европейских школах. В Швеции это явление называют «моббинг» (*Панкратова С.* Короли и козлы отпущения. «Стариков» и «дедов» хватает не только в армейской среде // Деловой вторник (ДВ), 7 марта 2006); нынешний российский министр образования и науки А. Фурсенко также пришел к выводу, что «дедовщина» начинается в детском саду и школе» (*АиФ*. 2006. № 7), а умница Виталий Песков, известнейший наш журналист, фотохудожник и натуралист, не без иронии заметил, что тогда «дедовщина» бывает и у зайцев (*Песков В.* Заячьи страсти // КП. 2006. 16–23 марта).

⁴ *Вашиадан М.* «Миротворцы» ударили по призыву // На смену (НС). 2006. 4 марта; *Васильев М.* (главный священник ВДВ, сотрудник военного отдела Московской патриархии). Отцы и «деды» // *АиФ*. 2006. № 11. и проч.

⁵ *Головин В.В., Лурье М.Л., Кулешов Е.В.* Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 226.

⁶ *Панкратьева Е.* Рядовому Сычеву предложили \$ 100 000 за изменение показаний // КП. 2006. 10 июня. Известный журналист Станислав Бабицкий по поводу этой информации заметил: «Безногий уральский парень стал козырной картой в политических играх. И сейчас эту карту кто-то активно хочет разыграть...» (*Бабицкий С.* Оставьте Андрея в покое! // КП. 2006. 10 июня)

ленные в запас военнослужащие⁷, интересовалась ею и отечественная наука, в первую очередь этнографическая. Среди последних работ назову фундаментальное исследование Константина Банникова⁸, где автор приходит к выводу, что эта стихийно сформировавшаяся структура – следствие перешедшего в хроническую форму кризиса современной армии, прямой наследницы традиций армии советской, и больше «декоративного» и декларативного, нежели реального реформирования ее.

Автор отслужил срочную службу, то есть знает предмет исследования изнутри. Став профессиональным этнографом, он, тем не менее, не только использовал метод «насыщенного описания» (по терминологии американского антрополога Клиффорда Герца), то есть собственные впечатления от армейской службы, но также и результаты опроса так или иначе связанных с армией лиц, частично военный фольклор.

Своеобразие своей культурно-фольклористической методики я, прежде всего, вижу в смещении акцентов: определяющим для меня является не факты сами по себе, а их вербальная интерпретация самими участниками событий, оценка, которую они этим фактам дают, а также поиски исторических корней этих фактов. Иными словами, для филолога факт – это «слово», а для филолога-фольклориста – это еще и его генезис, так сказать, вербальный факт в его историческом развитии.

«Слово» я и мои коллеги-фольклористы находим в откровенных рассказах военнослужащих запаса, песнях, которые они поют, наконец, в их солдатских записных книжках и «дембельских альбомах». Формат тех и других может не различаться, однако различаются их функции и, как побочный эффект, возможность увидеть и в форме, и в содержании оказавшегося в наших руках артефакта социально-психологический портрет его владельца.

Прежде всего, следует упомянуть тех, кто вообще не вел никаких записей во время службы. Например, у меня в годы

⁷ *Костерин С., Селиверстов В.* Армейская служба глазами солдата. Воины запаса отвечают на острые вопросы, поставленные в читательской почте // Советская Россия (СР). 1988. 28 января; *Неписанный* устав. Как пресловутая дедовщина мешает воспитанию солдат // СР. 1988. 10 сентября.

⁸ *Банников К.* Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии // Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н.Миклухо-Маклая. М., 2002. 399 с.; кроме того, называют имя Сергея Белоновского, автора монографии, рассматривающей неуставные отношения с точки зрения психолога.

службы был альбом, но это был действительно армейский альбом с фотографиями дорогих для меня людей. Какие бы то ни было заметки о службе (об этом нас предупредили еще в учебном подразделении) тогда во время службы вести не рекомендовалось. Текстовые и иллюстративно-текстовые артефакты в армии и на флоте стали появляться с 1970-х годов, кстати, вместе с активизацией самодеятельного песнетворчества и «дедовщины».

Функция *записной книжки* – социально-эстетическая: солдат или матрос записывает туда то, что, по его мнению, поможет скорее адаптироваться в воинском коллективе, почувствовать себя «своим»: песни, афоризмы, солдатское толкование слов военного и гражданского лексикона и т.д. Одновременно во многих книжках ощущается связь с оставленной гражданской жизнью, тоска по дому, родным, близким и любимым. Это и самодельные календари на два года службы, где указаны не только важнейшие официальные гражданские и военные праздники, но и праздники семейные, личные: дни рождения родителей, любимой девушки, брата, тети и т.д. – «трафаретные» стихотворные поздравления с днем рождения, Новым годом или 8 марта. Часть из этих записей потом перекачует в «дембельский альбом», что существенно затруднит дифференциацию разновидностей этих рукописных сборников солдатского постфольклора.

Тем не менее, «дембельский альбом» – это уже не только для себя, так сказать «для внутреннего пользования», это – своеобразный итоговый документ: он худо-бедно структурирован, оформлен самим владельцем или его сослуживцами⁹, словом, как часто можно прочитать на первой его странице:

*Пишу все это в годы службы,
Чтоб через много-много лет
От службы трудной и суровой
Какой-нибудь остался след.*

Вот так, с соблюдением всех сложившихся к этому времени эстетических и поэтических традиций и канонов военно-прикладного искусства, выглядят «дембельские альбомы» тех, из

⁹ Интересную статью о характерных особенностях дизайна «дембельского альбома» предложил Михаил Карасик: *Карасик М.* Память сердца. Солдатская книга художника // НоМИ. 1999. № 4(9); То же. Дембельский альбом – солдатская книга художника // <http://www.sguez.com/cgi-bin/ceilidh/art/?C344fb31We-5230-629-00.htm>.

кого армия сделала того, кого хотела, кого растворила в коллективном бессознательном воинской массы, превратив на время службы в надежную *клеточку* единого войскового организма за...

2 года в сапогах,
 24 месяца без воли,
 750 дней без друзей,
 18 000 часов без любимой,
 1 080 000 минут без матери,
 64 800 000 секунд в полной боевой готовности...
 (ДА: Ед. хр.14. Оп.1. № 29)

Этих испытанных армией и флотом ребят мы назовем *воинами-конформистами*, так или иначе согласившимися с требованиями армии, приспособившимися к ее строгим порядкам. Обычно они получаются из тех, кто либо идет в армию с охотой, может быть, даже чувствует призвание к военной службе, либо рассматривает ее как неизбежную объективную необходимость, то есть является «солдатом долга»¹⁰

Выразить свое отношение к армейским порядкам, своим товарищам и командирам такой военнослужащий в полном соответствии с законами фольклорного искусства, прежде всего, пытается *через чужой текст*, заимствовав его в народном поэтическом репертуаре. Лишь когда произведение не отвечает фольклорному закону тождества жизненной и поэтической ситуации, и владелец «альбома» не может в полной мере отождествить себя с поэтическим героем, он может на свой страх и риск *актуализировать* текст, изменить в нем имя, название специальности и т.д.

Другое дело, если такой воин-конформист обладает хотя бы зачатком поэтических способностей. Тогда на уже сформированный коллективным бессознательным сюжет или, используя уже устоявшийся в субкультуре жанр, он может создать произведение вполне оригинальное. Если поэзия его увлечет и выведет за рамки только военной тематики, он может стать профес-

¹⁰ В выделении групп людей по их отношению к военной службе я опираюсь на статью: *Заец А.Р.* Человек и война: философский аспект // (ВоенКом: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. Екатеринбург, 2002. № 1(3). С. 114–153, которая, в свою очередь, основана на выводах монографии *В.В.Серебренникова* «Социология войны» (М., 1998).

сиональным стихотворцем, и даже великим поэтом¹¹. Если же он останется поэтом-любителем, не пожелавшим сменить «поэтический камуфляж» на гражданский костюм, то и тогда творчество его может сохраниться не только в памяти близких друзей и сослуживцев, хотя имя может и забыться.

Другой тип сборника мы можем найти у военнослужащих, которых готовы отнести к категории *нонконформистов*. С современной военной субкультурой их роднит лишь то, что они тоже привозят из армии «блокнот-сувенир», однако содержание этих военных артефактов совсем иное. Если Бог не наделил парня поэтическим даром, там, как правило, цитаты из прочитанных за время службы книг, которые, безусловно, способствовали его мужанию, но непосредственно к службе имеют весьма отдаленное отношение. Если же это поэт, да к тому же талантливый, то тогда на свет может появиться сборник, тематически не связанный со службой, но уже самим фактом *неотражения* ее демонстрирующий интеллектуальный протест против коллективного бессознательного, подавляющего в армии независимую личность. Именно так, например, появилась на свет замечательная «Мала книжка» Тараса Шевченко.

Нонконформисты обычно рекрутируются из числа тех, кто пошел в армию по принуждению, а то и вообще является противником военной службы, хотя свои взгляды отстоять не смог и вынужден «тянуть солдатскую лямку». Впрочем, это совсем не означает, что за время службы отношение к армии не может поменяться. Под влиянием обстоятельств в «солдате долга» могут возникнуть как желание сделать военную службу своей профессией, так и стойкое отвращение к ней. При этом причиной, как можно судить по записям в «солдатских блокнотах», далеко не всегда являются физические нагрузки, связанные с исполнением воинского долга. Это могут быть и использование военнослужащих срочной службы на непрофильных работах, не связанных с овладением воинской профессией¹², и вынужденное пребывание в мужском коллективе юношей в пору

¹¹ «Кто мог бы ожидать, – писал о Г.Р.Державине современник, – какой был первый опыт творца «Водопада»? Переложение в стихи, или лучше сказать, на рифмы площадных прибаюток насчет каждого гвардейского полка!» (*Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. / Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985. С. 494.)

¹² Самым ранним известным мне произведением, рассказывающим едва ли не впервые об использовании военнослужащих на непрофильных хозяйственных работах, стал шуточный марш из к/ф «Солдат Иван Бровкин» «Шла с ученья третья рота...» (муз. А.Лепина, сл. А.Фатьянова)

гиперсексуальности¹³. Но самым острым негативным фактором для молодых солдат в последние десятилетия, безусловно, является пресловутая «дедовщина».

Деление военнослужащих на возрастные категории, по-видимому, существовало всегда:

*Три года Добрынюшка ключничал,
Три года Добрынюшка стольничал,
Три года Добрынюшка приворотничал, –
На десятый год стал конем владеть...*

Однако, не только в былинной среде, но и в «старой», еще до реформы 1874 года, русской армии процесс адаптации «молодежи» к службе проходил в щадящем, растянутом на несколько лет режиме. Впрочем, и позже, как в царской, так и в советской армии психологический удар перехода «гражданского» юноши в новое качество военнослужащего в значительной степени смягчался привычкой жить либо в крестьянской общине, либо в рабочем коллективе. Даже у новобранцев из «прослойки трудовой интеллигенции», каковым, например, был я, за плечами был опыт не только жизни в школьном коллективе (я имею ввиду, прежде всего, его неформальные традиции), но и пионерских лагерях, работы в комсомоле с его «демократическим централизмом» и т.д. Поэтому армия не была для нас стрессом, внезапным обвальным крушением всей прежней «домашней» жизни. Это был скорее этап, переход из одной возрастной группы в другую, то, что безымянные армейские поэты позднее выразят двустушием:

Запомни истину одну, по ней слагаются былины:

Уходят в армию юнцы, а возвращаются мужчины

(ДА: Тд.хр.9. Оп.1. № 13; Ед.хр.12. Оп.1, 18; Ед.хр.14. Оп.1, № 3 и т.д.)

В этнографии подобный акт называется *инициацией*, а то, что коллективное бессознательное придает службе в армии статус этого древнего обряда, пожалуй, стало уже общим местом в научных исследованиях¹⁴, хотя, еще раз замечу, никакой особой

¹³ В солдатских блокнотах это связано с целым циклом стихов и афоризмов, отражающих как тему верности девушек ушедшим служить любимым, так и тему их неверности.

¹⁴ *Кормина Ж.* (Европейский университет, СПб.). Из армейского блокнота (заметки о топике и риторике солдатского письменного фольклора) // <http://www.ruthenia.ru/folklore/cormina4.htm>

«обрядностью» или «поэтизацией» до 1960-х годов этот переход отмечен не был. Я объясняю это корректирующей функцией, которую выполняет фольклор: чем меньше в службе формализма, тем меньше необходимости объяснять самому себе, что рытье канавы «от забора и до обеда» – совсем не бессмысленное занятие.

Формализм в службе, а с ним и «дедовщина» стали появляться тогда, когда на смену малочисленным «детям войны» пришло избыточное послевоенное поколение новобранцев, призывавшихся на год раньше и служивших на год меньше, а место офицеров-фронтовиков¹⁵ заняли молодые командиры, для которых казарма была не «вторым домом», а местом работы «от и до». Значительную часть обязанностей по воспитанию личного состава офицеры перепоручили старшинам, а те, в свою очередь, переадресовали ее сержантам из числа «срочников»:

*Масло съел, и день начался.
Старшина... ебать примчался.
Мясо съел, а день идет,
Старшина опять ебет.
Масло съел, и день прошел,
Старшина домой ушел.
- Спи, «старик», спокойной ночи,
«Дембель» стал на день короче...*
(ДА: Ед.хр.1. Оп.9. № 492)

Но когда перестает работать в полную силу официальная военная структура, унаследовавшая трехсотлетний опыт российской армии и зафиксировавшая его в соответствующих документах военного права, в коллективном бессознательном молодых ребят, изнывающих от безделья в казарме или выполняющих далекую от представлений о воинском долге работу в военном городке или подшефном совхозе, актуализируются архетипы национальной культуры, которые пытаются внести хоть какую-то организацию в распадающийся социум, а фольклор, в свою очередь, облекает это стремление в заведомо мифологизированный текст:

¹⁵ Работая над статьей, прочитал заметку моего сверстника, служившего в 1961–1964 гг.: «Никогда не забуду, – пишет он, – своего командира роты, воевавшего всю Великую Отечественную войну. Он каждый день сам проводил вечернюю поверку в 21.30 и приходил в 6.00 к подъему солдат, был настоящим отцом-командиром: и строгим, и заботливым, и справедливым» (*Серазутдинов Р.* Скучаю по кирзачам // *АиФ.* 2006. № 15.)

*«Дух», «карась», «черпак» и «дед»
Собрались как-то на совет,
Чтобы вместе обсудить,
Как им всем друг с другом жить:
«Дух» есть «дух» – ему работать;
«Карасю» следить забота;
«Черпаку» их всех гонять,
Ну а «деду» наблюдать*

(ДА: Ед.хр.1. Оп.7. № 423)

Чем-то эта новая неуставная армейская структура старалась походить на добровольно сдававшую свои позиции структуру официальную. Так новобранец для придания легитимности этой неуставной структуре должен был ей присягнуть:

*Я, «салага», лысый «гусь»,
Я торжественно клянусь:
Мясо, масло не съедать,
«Старикам» все отдавать,
По ночам за водкой бегать,
.....
Чтобы «старые деды»
Были сыты и добры.*

Далее следовало неукоснительно соблюдать «неуставной устав сынкам»:

1. «Дед» всегда прав.
2. Если «дед» не прав, смотри 1-е правило.
3. С «дедом» не спорь.
4. «Деду» не предлагай.
5. <«Деда» при подъеме> не будить, не кантовать, при пожаре выносить <первым>.
6. Если «дед» встал на тернистый путь, возьми его на руки и вынеси.
7. Если «деду» заглянула смерть в глаза, переведи ее взгляд на себя

(ДА: Ед.хр.4. № 100)

Тот, кто не соглашался принимать участие в ритуалах посвящения или оказывался на положении изгоя, в том числе и у своих одноклассников¹⁶, а то и вовсе мог остаться на всю жизнь

¹⁶ *Неписанный устав...* // СР. 1988. 10 сентября.

покалеченным, как это случилось с Дмитрием Сычевым. Те же, кто соглашался идти на поводу у традиции, включался в систему современных инициационных ритуалов продолжительностью в два года солдатской жизни. И это, действительно, была «жизнь» в миниатюре от символического «рождения» и до «старости», в гротескной уродливой форме повторяющая нашу большую жизнь за воротами военного городка¹⁷. Однако шаг за эти ворота почти всеми новобранцами воспринимается как переход не только в иное качество жизни, но и в другой мир, мир *по ту сторону* КПП.

Для нас, последних «детей войны», служба в армии была пусть не во всем приятной, но ожидаемой, а потому и не болезненной обязанностью. Поколения, родившиеся после нас, в значительной мере были «защищены» от армии многочисленными отсрочками, поэтому призыв они воспринимали заметно острее, некоторые – почти как наказание за неведомо какую вину. *«Россия – единственная в мире страна, в которой дают два года за то, что исполнилось 18 лет»*, – записано в «дембельском альбоме» военнотружашаго элитного «президентского» полка в Москве.

*Парень в армию уходит. Кто же в этом виноват?
Виноваты только годы и родной военкомат.*

При этом военкомат в солдатском фольклоре выполняет функцию не просто учреждения по работе с военнообязанными, но воспринимается виртуально-мифологическим рубежом между двумя мирами: этим, «гражданским», и тем, потусторонним, «военным»¹⁸, где все по-другому, где даже пространство и

¹⁷ Так 1- и 2-я позиции «Неуставного устава» – незначительно актуализированные «правила взаимоотношения подчиненного с начальником», широко распространенные в современном фольклоре, 3-я позиция находит свое подтверждение в иных произведениях армейского фольклора («Не спорь со старшиной, что земля круглая, даст лопату и заставит ровнять»), 5-я позиция была известна мне еще в 1960-е гг., 4-, 6- и 7-я, возможно, являются плодом чьего-то индивидуального творчества и в традицию не вошли.

¹⁸

*Военкомат – страна чудес:
Зашел туда и там исчез,*

- знаменательно, что этот популярный афоризм своим происхождением обязан афганской кампании 1979–1989 гг., откуда молодые ребята в невиданном со времен Великой Отечественной войны количестве, действительно, не возвращались либо приезжали калеками, то есть не такими, какими они отправлялись на афганскую войну. Известна и военно-морская версия этого двустишия.

время измеряются другими величинами¹⁹. В этом другом мире – своя эстетика²⁰ и отличная от «гражданской» этика. Если гражданский человек хотя бы в своих заявлениях, как правило, осуждает насилие, применяемое без видимых причин, то человек армейский изначально является потенциальным инструментом государственного насилия. Поэтому основополагающий принцип нравственного поведения многих мировых религий: «Не убий!» – интерпретируется в армии по-другому: «Убей недостойного врага ради жизни достойных людей!»²¹.

Одной из важнейших прерогатив армии является защита *своей* территории. Константа «своя»–«чужая» земля начала формироваться тогда же, когда человек стал постепенно переходить к оседлому образу хозяйствования. «Своя» земля – территория жизни, где всё защищает ее обитателей, «чужая» земля – зона смерти, по крайней мере, абсолютно враждебная для всякого чужака. Подобное бессознательное восприятие «гражданки» и «армии» породило горькую шутку: «Армия – зона отдыха, где первый год – зона²², а второй – отдых». Но, чтобы чужак стал своим, он должен пройти обряд посвящения и в первобытной общине, и в тюрьме²³, и в армии.

Если говорить о традиционной народной поэзии, то ярче всего обряд инициации представлен в волшебной сказке²⁴, а множественные действия, которые совершаются при призыве в армию, на удивление точно совпадают с алгоритмом этого жанра народной поэзии. Так изменение юношей гражданского статуса на временное положение военнотруженика объясняется не только

¹⁹ «Армия – это сутки, где один час длится месяц»; «От казармы до КПП – 100 метров, но идти их целых два года»; «Масло съел, и день прошел; съел яйцо – прошла неделя // Что б еще такое съесть, чтоб два года пролетели»; «От фильма до фильма, от бани до бани // Идем к ДМБ мы большими шагами» и т.д.

²⁰ **Юдин А.В.** Семиотичность и ритуализированность поведения военнотружеников срочной службы Советской Армии (первая половина 80-х годов) // Живая старина. 1998. № 2. С. 29–32; То же // www.rutenia.ru/folklor/judin3.htm

²¹ Вспомните, например, не только пафос, но и заголовки статей русских писателей времен войны.

²² Кстати, зону своего заключения осужденные в ИТК нередко сравнивают с армией (**Ковалева Т.** Мнимый переполох в стране «ос» // Областная газета. 2005. 25 ноября. С. 5.

²³ **Шилков П.А.** Из быта срочных арестантов // Этнограф. обозрение, М., 1891. Кн. 11. С. 157–169.

²⁴ **Пропт В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986 (далее цитаты в тексте по этому изданию).

наступлением призывного возраста²⁵, но, как это бывает в сказке, нарушением принятых в современном обществе норм поведения, запретов:

*Попал я в армию по пьянке: обрили весь мой черепок,
Носки сменили на портянки и в зубы дали вещмешок,
Присягой ноги мне связали, лицо закрыл противогаз –
И вот по плацу я шагаю, Российской армии солдат*
(ДА: Ед.хр.3. Оп.2. № 556)²⁶

Неизвестный автор этого стихотворения изобразил не просто переодевание новобранца, но грядущую перестройку его сознания, подготовку к переходу в иной мир и изменению социального положения и жизненного статуса.

Служба в армии как «социальная смерть» – общее место традиционного русского фольклора. Принудительная сначала, пожизненная, а потом двадцати пяти и двадцатилетняя служба в профессиональной русской армии в глазах родных и близких превращала молодого здорового мужчину фактически в «живого мертвеца». «Жива эта разлука пуще мертвой», – комментировала состояние присутствующих на проводах рекрута исполнитель-

25

*Парень в армию уходит. Кто же в этом виноват?
Виноваты только годы и родной военкомат*

(Колл.: «ДА», ед.хр)

*Родился я и быстро вырос. повестку дали в РВК,
И Родина служить послала в российские погранвойска*
(Колл. «ДА». Ед. хр. 1. № 54.)

*Ну вот, пацан, теперь ты взрослый, и жизнь вручила свой мандат.
Забудь про старый образ жизни, крепись, «салага», ты солдат!*
(Колл. «ДА». Ед. хр. 2. № 121)

«Сказка, – пишет в связи с этим В.Я.Пропп, – сохранила... следы некогда широко распространенного обряда... посвящения юношества при наступлении половой зрелости» (Пропп. С. 53). И действительно, в волшебных сказках мы нередко встречаем мотив *запродажи*, когда мальчики могут быть по той или иной причине обещаны чудесному помощнику, но должны перейти к нему не раньше достижения возраста половой зрелости (Пропп, с.88)

26

*Сказал мне Бог в военкомате: «Ты самый грешный на земле.
За все грехи свои земные служи в стройбате же отныне!»*
(ДА: Ед.хр.10. № 590)

ница причетов Ирина Федосова. И исследователи именно этим объясняют то, что «рекрутский плач во многом был близок к похоронному»²⁷.

С введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности с одновременным существенным сокращением срока службы по призыву фактической основы для восприятия ее как *смерти при жизни*, казалось бы, не осталось, однако следы константы «*воинская служба – смерть*» в коллективном бессознательном сохранились. И отзвуки эти продолжают присутствовать в современном солдатском фольклоре²⁸. Есть они и в цитированном произведении. Смерть лишает тело жизненной *силы*, возможности *двигаться*, наконец, в результате разложения лицо утрачивает черты индивидуальности и превращается в безликую «*маску смерти*», очень похожую на такую же безликую маску противогаза²⁹. Кстати, *сила* человека, по древним поверьям, зафиксированным не только отечественным, но и мировым

²⁷ *Померанцева Э.В.* Рекрутские причитания // Русское народное поэтическое творчество. / Под общей ред. П.Г.Богатырева. Изд. 2-е, дополн. и исправлен. М., 1956. С. 252.

²⁸ Текстов об «украденной юности», о «*подаренных* Родине годах» и т.п. в солдатских блокнотах – море. Вот только малая часть из них.:

«Солдатами не рождаются, но ими умирают»

(ДА: Ед.хр.2. № 93);

Возможно, ты меня забыла: на свете много есть ребят.

Ведь я для всех уже потерян, лишь потом, что я солдат

(ДА: Ед.хр.2. № 92);

Служба – два мгновения: призыв и увольнение.

Все остальное мрак: Что было, где и как?

(ДА: Ед.хр.2. № 133);

Течет наша жизнь по суровым законам,

А лучшие годы мы дарим погонам

(ДА: Ед.хр.2. № 155)

Проходит молодость в бушлате, в казарме юность умерла,

И мы заметно повзрослели – на то и армия дана.

(ДА: Ед.хр.5. Оп.1. № 181)

Смерть и «дембель» чем-то схожи:

Смерть приходит, «дембель» тоже.

(ДБ: Ед.хр. 6. № 429)

²⁹ Противогаз как «мертвая личина» фигурирует и в иных сюжетных ситуациях солдатского фольклора:

Два года вместо губ и глаз

Я «целовал» противогаз

(ДБ: Ед.хр.2. № 54)

фольклором, заключается именно в волосах³⁰. Поэтому гигиеническая операция при призыве получает значение символа и обретает особое значение не только в фольклоре, но и языке³¹.

Портянки – знаковый атрибут солдатской одежды, связанный с сапогами, традиционной обувью, ставшей своеобразным символом солдатской службы³². Крепкая удобная обувь – особый предмет заботы и в народном погребальном обряде, и в волшебной сказке, а умело намотанные портянки, добавим мы от себя, делают обувь еще более удобной, особенно в дальнем походе. Именно поэтому солдатский афоризм учит: *«Прежде чем крутить любовь, научись мотать портянки»*, – ассоциативно связывая этот навык с созданием семьи, то есть опять-

³⁰ В.Я.Пропп указывает на функциональную тождественность возвратившегося домой *плешивого* героя с персонажем, намеренно прикрывшим свою голову. В связи с этим напомним об официальной форме одежды военнослужащего, где головной убор является обязательным элементом.

³¹ Именно *«забривать, забрить»*, а не «остричь наголо» означает в традиционной лексике – «принять в рекруты» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А-З. М., 1989. С. 555). В современном разговорном языке те же слова также означают призыв на военную службу.

³²

*Кто не был, то будет, кто был – не забудет
Семьсот тридцать дней в сапогах.*

Кстати, не особой морской «романтикой» и не «красивой матросской формой», а тем, что ботинки матроса («прогары», как их называют на флотском жаргоне) ближе по форме к «гражданской» обуви, чем сапоги, а, следовательно, ближе к дому и их владелец, я объясняю традиционное добродушно ироническое отношение моряков ко всем без исключения солдатам:

*Я поднимаю бокал водки
За тех, кто служит на подлодке,
За тех, кто служит моряком,
А не каким-то «сапогом»*

(ДБ: Ед.хр. 5. № 279)

*Умри, десант, заткнись, пехота:
Здесь парни служат из Морфлота*

(ДБ: Ед.хр. 17. № 8)

*«Сапоги» нам не враги,
Но «сапоги» есть «сапоги»*

(ДБ: Ед.хр. 1. Оп. 3. № 167)

таки «умиранием» для холостой и «рождением» для новой семейной жизни и, естественно, переходом на новый социальный уровень.

Впрочем, в христианской мифологии в путешествие отправляется только душа, в то время как в сказке границу с потусторонним миром пересекает как плоть героя, так и присущий ему *земной дух*. «Фу, фу, фу! – восклицает охраняющая дорогу в этот мир Баба-Яга. – Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам ко мне пришел!». Запах героя, пишет в связи с этим В.Я.Пропп, – «есть запах живого человека, старающегося проникнуть в царство мертвых» (Пропп. С. 66). Отсюда, полагаю, утвердившееся в современном армейском быту прозвище новобранцев – «*дух*»: от вновь прибывших еще «пахнет» чужой здесь гражданской жизнью.

Дух индивидуализма и неподчинения насилию, свойственный современному человеку, особенно горожанину, неприемлем для армии, которую З.Фред не случайно называл «хорошо организованной массой». «У изолированного индивида, – писал ученый, – едва ли не единственным побуждающим стимулом является личная польза, в массе этот стимул преобладает очень редко. Можно говорить о *повышении нравственного уровня отдельного человека под воздействием массы*» (выделено мной. – В.Л.)³³. Суть этого «высокого нравственного уровня отдельного человека» состоит и в том, что, оказавшись перед экзистенциальным выбором – выполнить приказ ценою собственной жизни или остаться в живых, – хорошо обученный и психологически подготовленный военнослужащий отдаст приоритет приказу³⁴. Достигались подобный героизм и самопожертвование всей системой воинского обучения и воспитания: строевыми занятиями, совместными учениями, общежительным существованием и ис-

³³ **Фрейд З.** Массовая психология и анализ человеческого «Я» // З.Фрейд. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн.1. Тбилиси, 1991. С. 80 (далее в тексте: (Фрейд)).

³⁴ Так, например, установлено, что первым закрыл амбразуру дзота не юный Александр Матросов в феврале 1943 г., а политрук танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии Александр Панкратов 24 августа 1941 г. в бою за Кирилловский монастырь на Новгородчине. В том же 1941 г. его подвиг повторили еще 4 человека: двое рядовых, сержант и младший лейтенант, в следующем 1942-м героев было уже 26, а в 1943-м до 27 февраля, даты подвига А.Матросова, ценою собственной жизни вражескую огневую точку подавили еще 13 человек.

«Приказ не обсуждается, – вспоминал ветеран минувшей войны Михаил Плотников, – он подлежит безоговорочному исполнению, пусть даже ценой собственной жизни» (Труд-Екатеринбург. 2006. 11–17 мая)

кусством. Не случайно, когда хотят отметить, что кто-то достиг согласованности в совместных действиях, либо серьезно говорят, что «они сработались», либо с иронией, что «спелись». Однако на «спевку», щадящий режим адаптации к службе в армии, времени зачастую нет, а, может быть, нет и желания у командиров этим заниматься. И тогда в ход идут кулаки³⁵.

Не случайно активно о себе «дедовщина» заявила в 1970-е годы, когда срок службы сократился до двух лет. Требования-то к военнослужащим остались прежние, а принципиально новых методик воспитания личного состава предложено не было. Вот и пришлось среди воспитательных мер усиленно эксплуатировать силовые или, как съязвила по этому поводу солдатская афористика: «Дух» – *птица гордая: не пнешь – не полетит*. Но поскольку воспитателем-садистом прослыть не хочется никому, сработал исследованный все тем же З.Фрейдом бессознательный механизм «вытеснения-замещения», и под силовые методы воспитания были подверстаны и суворовский афоризм: «Тяжело в ученье – легко в бою!», и неведомо кем сочиненный слоган о том, что «нужно стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы» (в том числе и совершенно искусственно созданные, добавим мы от себя).

Однако из темных глубин коллективного бессознательного, не встречая препятствий со стороны официальной системы подготовки солдата, стали всплывать архетипы древних обрядов посвящения в воины. Так, например, один из характерных и постоянных признаков обряда посвящения – *временная смерть* (Пропп. С. 126). В быту нынешней армии это выражается не только в ограничении права на свободное передвижение, но и в утрате имени – концентрации нашей сущности. Вместо «Вани», «Пети», «Юры» в армии принято безликое обращение «товарищ солдат», «рядовой такой-то». Хотя я не помню ни одного случая оскорбительного со стороны командиров обращения к себе или к своим сослуживцам, в «дембельских блокнотах» немало стихов на подобную тему. Полагаю, что это является не констатацией факта неуважительного отношения, но бессознательным проявлением скрытого протеста против армейского обезличивания и непривычной эксплуатации:

³⁵ «Если спросить офицеров, как воздействовать на непослушных, не выполняющих уставных отношений солдат, – говорит руководитель отдела клинической психологии Научного центра психического здоровья РАМН Сергей Ениколопов, – ответ будет один: **бить**. Сам офицер, конечно, бить не будет, это делается с помощью поощрения «дедовщины» (Труд-7. 2006. 25 мая).

*Запомни, я – моряк, ты это знаешь,
Но я моряк ведь не навек,
И помни ты, моя родная,
Моряк ведь тоже человек.*

*Отец и мать, вы ждите сына.
Дай Бог, здоровья вам навек.
Для офицеров я скотина,
Для вас я сын и человек.*

(ДА: Ед.хр.15. № 46, 68)

*Здесь нет зверей – здесь есть сержанты,
Здесь нет рабов – здесь есть курсанты.*

(ДБ: Ед.хр.3.Оп.5. № 699)

А вот вербализованная попытка пассивного бунта против такого обезличивания:

*Здесь могут нас назвать «собакой»,
И плюнуть могут в нашу честь.
Их про себя пошлешь подальше,
(сделана лексическая замена. – В.Л.)
А по уставу скажешь: «Есть!»*

(ДБ: Ед.хр.3. Оп.5. № 123)

Впрочем, это «смерть» для прежней «гражданской» жизни, а здесь в военной коммуне молодой человек продолжает жить, есть, пить. При этом пища согласно мифологической концепции выполняет не только свое прямое, но еще и сакральное предназначение: она приобщает чужака к боевому братству. Признаюсь, я знаю мало блюд «армейской тематики»: «флотский» борщ (наваристый, чтобы ложка стояла), макароны «по-флотски». Впрочем, специфика русского воинского застолья не в разнообразии и изысканности блюд, а в неприязательности тех, кто эти блюда поглощает. «Хлеб да вода – богатырская еда», напоминает пословица. «В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, – поминает князя Святослава Игоревича автор «Повести временных лет», – но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел»³⁶. Поклонником здорового, основанного на национальных традициях питания («Щи да каша – пища наша»), был и непобедимый А.В.Суворов³⁷. Но, как говорит

³⁶ Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М., 1957. С. 33.

³⁷ Суворов А.В. Наука побеждать. М., 1987. С. 25–26.

пословица: «*Что русскому здорово, то немцу смерть*». Современный солдатский фольклор ту же мысль выражает несколько иначе:

*Бессмертный я, – сказал Кащей.
Но зря он так хвалился.
Поел Кащей солдатских щей
И тут же отравился.*

Напомню, что и Кащей, и Змей в традиционном фольклоре интерпретируются как иноземцы, захватчики.

Особое место в теме «Еда и напитки» занимает водка. Уже допризывники четко знают, что новобранцам пить хмельные напитки не положено не только по официальному, но и по «неуставному уставу». Причина здесь не только в требованиях армейской дисциплины, но и в особом отношении к опьяняющим напиткам в народной культуре. «*Пьян да умен – два угодя в нем*», – говорит народная мудрость, отнюдь не оправдывая при этом пьянства.

*Я жил спокойно – вдруг повестка:
– Прощай, друзья, прощай, невеста!
Я еду в дальние края,
Где водку пьют лишь «дембеля»*
(ДА: Ед.хр. 2. № 128; Ед.хр.3. №, 55, 182)

Беда не в водке, а в неумеренном и раннем ее потреблении. Между тем уже у древних ариев опьяняющие напитки были привилегией богов и жрецов. «Я вознесся до облаков – ведь я напился сомы»,³⁸ – читаем мы в «Ригведе», где напиток, усыпляющему цензуру нашего бессознательного, посвящены многие строки. Но пребывать в экстатическом состоянии в мифологии могут позволить себе избранные, а в нашем случае это право присваивают себе «деды». Именно поэтому «смыслом изменений, сигнализирующих об определенном сроке службы солдата, – писал уже упомянутый нами ранее А.В.Юдин, – было накопление и подчеркивание отклонений от уставных норм, сигнализирующее, что человек постепенно выходит из-под контроля

³⁸ Подробнее об этом: *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. М., 1983. С. 113–122; *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Мифологические представления о грибах в связи с гипотезой о первоначальном характере сомы // Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970. С. 40–46.

армейской системы, приближаясь вновь к вожаденной свободной «гражданке»³⁹

*Дождь, хреновая погода –
Отслужили мы полгода.
Тихо смылись от работы –
Отслужили ровно год мы.
В карты режемся с утра –
Отслужили полтора.
Водку с горла пьем рекой –
Собираемся домой.*

(ДА: Ед.хр.2. №148)

«Неуставной устав» расписывает по полугодиям весь двух-годовой период срочной службы, определяя каждому его права и обязанности не по воинскому званию, а по тому, насколько он этой службой овладел, понял ее, сполна почерпнул всю ее мудрость:

*Первые полгода – что бы пожрать,
Вторые полгода – где бы поспать,
Третьи полгода – чем бы заняться,
Четвертые полгода – домой собираться.*

Таким образом, обделенный и едой, и отдыхом в первый год службы новобранец на втором году старается наверстать упущенное, так как «Тоций «дембель» – позор для армии».

Еще одним испытанием для молодых солдат является лишение полноценного сна:

*Если ты без сна опух,
Значит, ты всего лишь «дух»;
Если спишь ты кое-как,
Значит, ты еще «черпак»,
Если ты проспал обед,
Это точно, ты уж «дед».*

«Сон здесь имеет такое же значение, как и запах, – пишет в связи с этим запретом в сказке В.Я.Пропп. – Живые узнаются потому, что они пахнут, зевают, спят и смеются. Мертвецы всего этого не делают» (Пропп. С. 81).

³⁹ **Юдин А.В.** Семиотичность и ритуализированность поведения военнослужащих срочной службы Советской Армии. С. 30.

Срок службы определяет не только освященный армейской традицией образ жизни, но и награждает соответствующим прозвищем. Я достаточно много места уделил семантике слова «дух». Следующее за ним «звание» отличается неопределенностью. Военнослужащих второго полугодия называют где-то «молодые», где-то «чижи», где-то «караси»... Подобная неопределенность отражает и нечеткость их статуса: уже не новобранцы, но еще не привилегированная каста. Их обязанности более-менее определены в приведенных ранее стихотворениях.

Интересна этимология первой привилегированной касты солдат-«срочников» – «черпаки». Лежащее на поверхности объяснение – перевод в «черпаки», якобы, знаменуется десятью ритуальными ударами черпаком по голой заднице. Черпак – «приспособление, сосуд для черпания»⁴⁰. Впрочем, делать это настоящим черпаком, тем, которым из автоклава разливают еду в бачки, – явный перебор. Поэтому в ритуале «перевода» используют разливную ложку – половник.

Мы в армии называли такую ложку «разводящий», по аналогии с должностью опытного военнослужащего, разводящего в карауле часовых по постам. Но «черпак» это тоже вполне опытный военнослужащий, который *почерпнул* и освоил важнейшие требования воинского коллектива, представляющего собой «высоко организованную массу» военнослужащих, и теперь обучающий этому молодежь. А если обучение не идет впрок, «черпак», так и не познавший премудростей военной педагогики, пускает в ход кулаки⁴¹.

Но, как мы уже заметили, истязания в российской армии, начиная где-то с 1970-х – 80-х гг., носят не только «воспитательный», но и ритуальный характер: через полгода военнослужащий переводится в новое «качество», подвергаясь предварительно реальной или символической порке. «На вопрос о смысле этих жестокостей <в традиционном обряде инициации> исследователи отвечают, что эти действия должны были приучить к абсолютному послушанию старшим, что здесь получали закалку будущие воины и т.д.» (Пропп. С. 88). Это говорилось о первобытной культуре, но подобное объяснение сохраняет актуальность и в нашем случае. Однако В.Я.Пропп выдвигает здесь же предполо-

⁴⁰ *Словарь русского языка*: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 668.

⁴¹ «Дедовщина» в армии – гарантия порядка, – комментирует ситуацию сержант Евгений Шишонин. -- Приходит новый боец – дуб дубом. Я говорю: делай то-то и так-то. А он может послать меня куда подальше!... Пытаться наказать нерадивого «салагу» по уставу – себе дороже» (АиФ. 2006. № 8).

жение, которое позволяет перевести комментарий к ритуальным истязаниям в иную плоскость – область психоанализа. «По-видимому, – пишет ученый, – эти жестокости должны были, так сказать, «отшибить ум» (Пропп. С. 89). Сразу вспоминается популярный солдатский афоризм: *«Армия ума не прибавит, но от дури избавит»*. Следом вспоминается З.Фрейд с его размышлениями *«о повышении нравственного уровня отдельного человека под воздействием массы»* (Фрейд. С. 80) и растворении личности в коллективном бессознательном. Всё, курс коллективной этики усвоен, армия сделала свое дело, ее уроки в форме афоризмов, эпиграмм и песен занесены в «дембельский альбом» – можно демобилизоваться.

У современного человека, не познавшего армейской службы, может возникнуть естественный вопрос: а нужна ли это жестокая школа? Не лучше ли «пройти ее заочно», а то и вообще не проходить? Исходя из собственного опыта и опыта своих друзей, я отвечаю утвердительно: да, нужна, нужна именно для последующей гражданской жизни. На человека, прошедшего инициацию военной службы, можно положиться, коллективное бессознательное армии сделало из него надежного члена любой команды, он не предаст интересы корпорации ради личной выгоды, разумеется, если сама корпорация не поставит его в очевидно невыгодные условия.

Следующий вопрос: можно ли из этой в целом полезной школы «каленным железом вытравить проклятую «дедовщину». Своей статьей я показал, что корни «дедовщины» в нашей ментальности, то есть историческом опыте, традициях и национальном характере. Жесткими административными мерами можно эту социальную болезнь загнать вглубь армейского коллектива, но не уничтожить окончательно. Но «если враг не сдается», если нельзя его победить, то надо сделать из него друга.

Путь, к которому призывает сегодня общественность, а именно, создание профессиональной армии, и компромисс, который реализует сегодня Министерство обороны, армия смешанного типа, где наряду с «контрактниками» будут служить и «призывники», мне представляется малоэффективным. Первый вариант дорог, но, самое главное, армия, учитывая слабость наших представительских организаций, и, как следствие, безответственность верховной исполнительной власти, оказывается под полным контролем распорядителей финансовых потоков. Второй вариант пресловутую «дедовщину» из категории «*de facto*» переводит в категорию «*de jure*», то есть призванные на военную службу на один год военной специальностью в боль-

шинстве своем не овладеют, а потому будут заниматься вспомогательными и хозяйственными работами, которые, тем не менее, назовут высоким словом «исполнение священного воинского долга». «Контрактники» же будут ими помыкать. Кстати, рядовой Андрей Сычев, как и его товарищи по подразделению в Челябинском военном училище, как раз и принадлежали в глазах руководства к таким военнослужащим «второго сорта».

Сомнительным, хотя на первый взгляд и привлекательным представляется мне и предложение разрешить определенной категории военнослужащих служить рядом с домом. Ничего, кроме постоянных психологических травм и военнослужащему, и его близким, это не принесет. Впрочем, все это проблемы военных психологов, призывных комиссий и т.д. Я же, как фольклорист, рекомендую обратить самое пристальное внимание на солдатский фольклор, в том числе и письменный, т.е. частично проанализированные мной «солдатские блокноты» и «дембельские альбомы» как наиболее объективную, хотя и специфическую форму обратной связи, дискурса.

Далее, я полагаю необходимым взять под свой контроль и возглавить военные ритуалы, знаменующие переход военнослужащих в новое качество. Тем более, что определенные наработки в этой области есть. Я имею в виду и торжественные общегородские проводы на военную службу, и обряд принятия присяги. Требуется легализации и соответствующего оформления ставший традиционным итоговый праздник «100 дней до приказа», может быть, даже с вполне законными «наркомовскими 100 граммами» – знаком вступления в круг профессионально подготовленных защитников Отечества. И, конечно, торжественные проводы домой с обязательным прощанием со знаменем части. Ведь не случайно в современном солдатском фольклоре нередко встречаешь такой афоризм: *«Гражданку» вспоминают два года, а армию всю жизнь»*. Так пусть эти воспоминания будут добрыми.

Источники фотографий на стр. 161–189

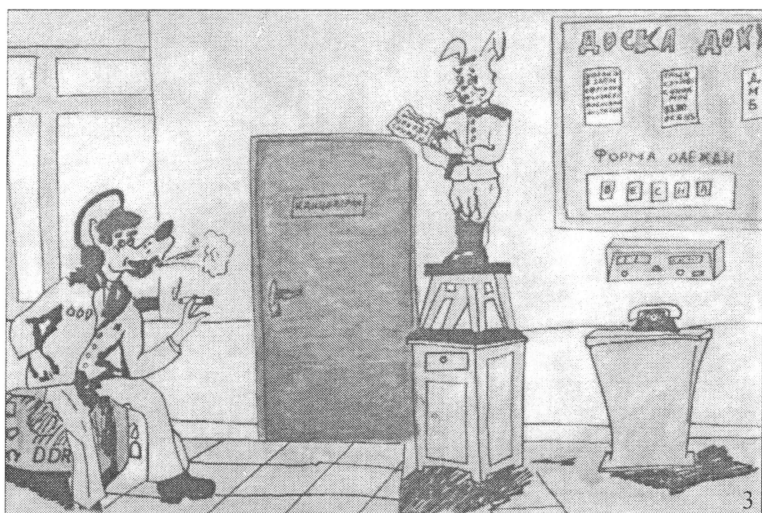
1–35; 53–54 – Фоторепродукции рисунков из дембельских альбомов и армейских блокнотов (Фольклорный архив Уральского государственного университета).

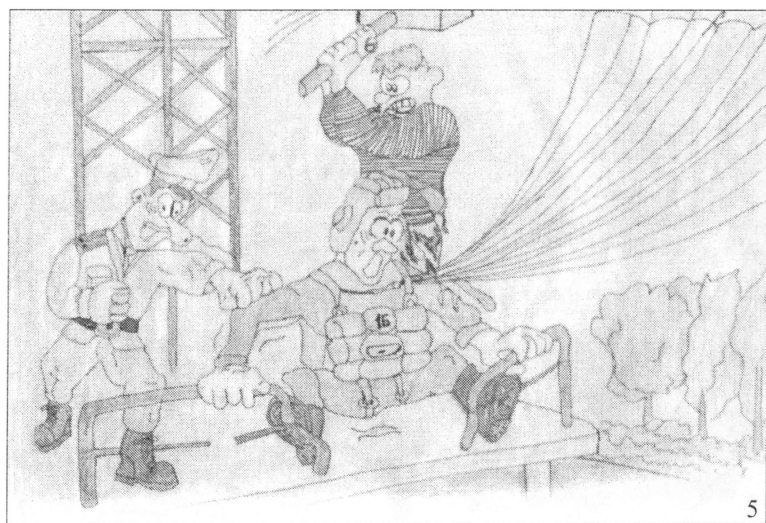
36–42 – фоторепродукции карикатур полковника запаса, ветерана войны во Вьетнаме В.С.Брусникина (архив В.С.Брусникина).

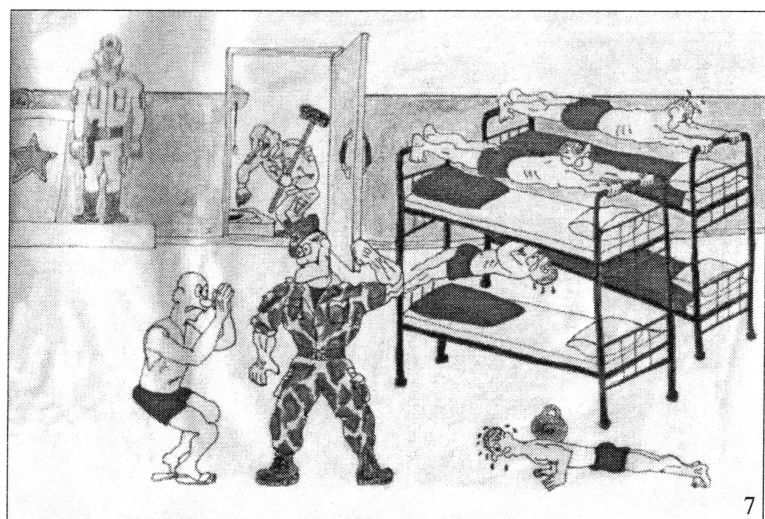
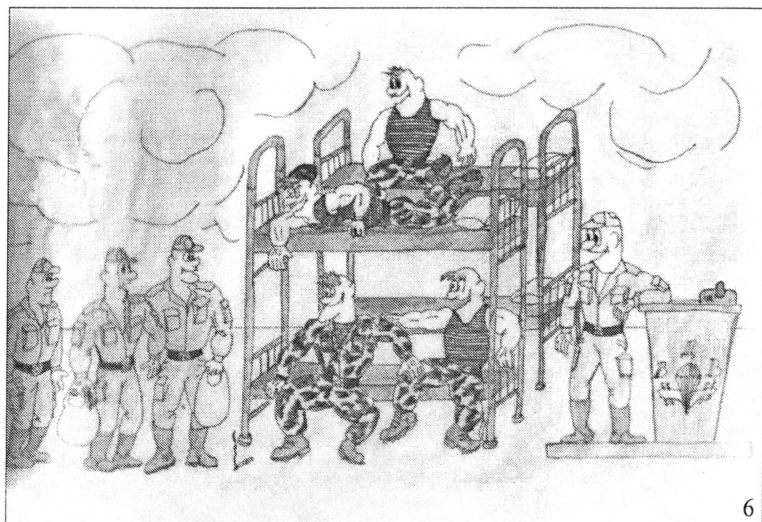
43–52 – фоторепродукции рисунков ветерана войны на Северном Кавказе А.С.Грека (архив Культурного центра «Солдаты России»)

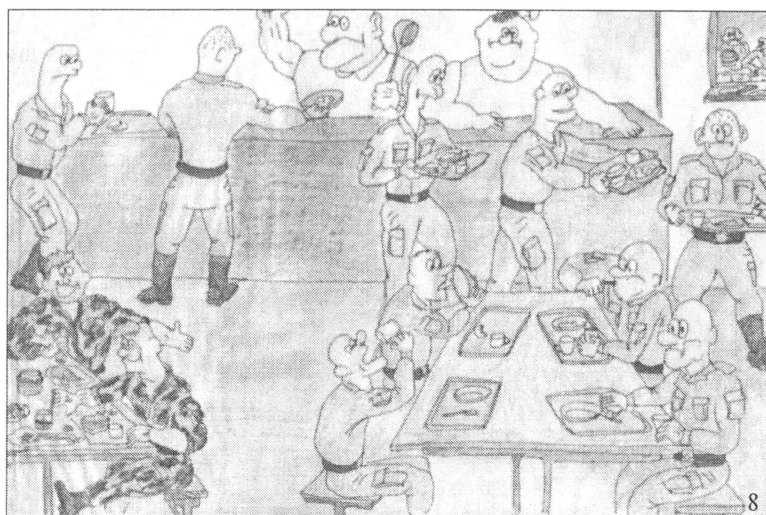
«Миру – мир, Солдату – дембель!»

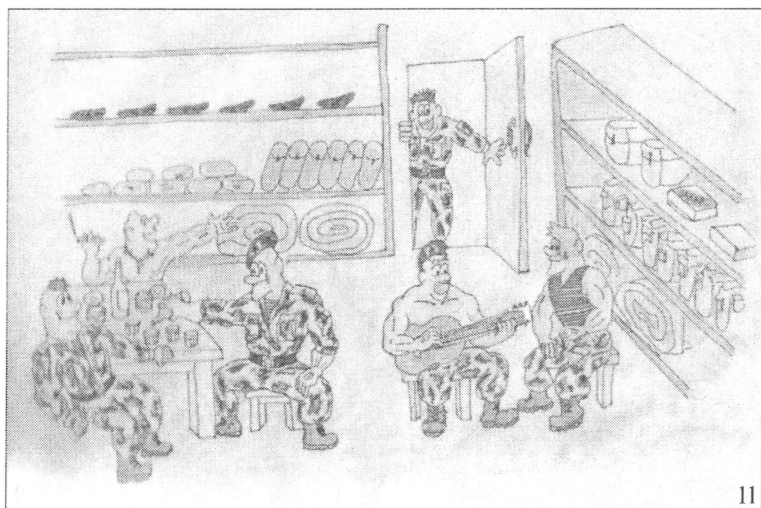
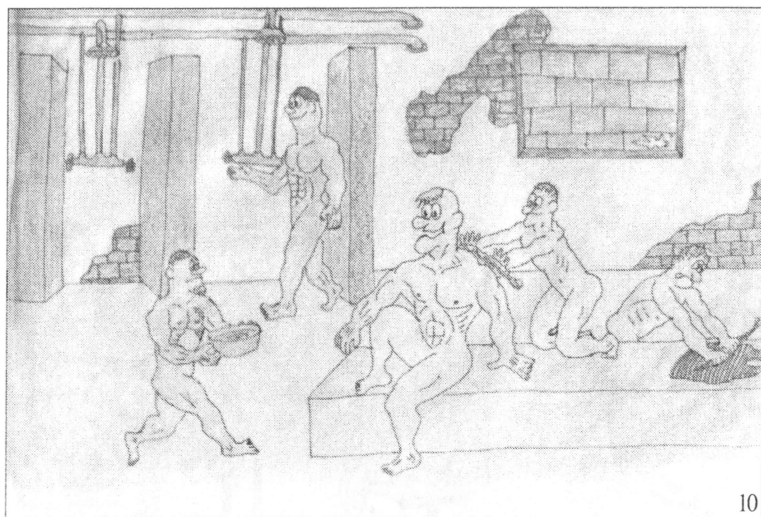

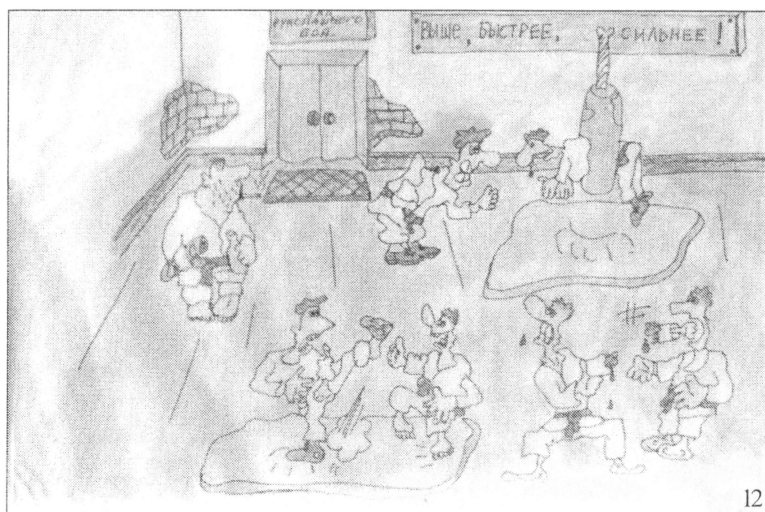

8

9

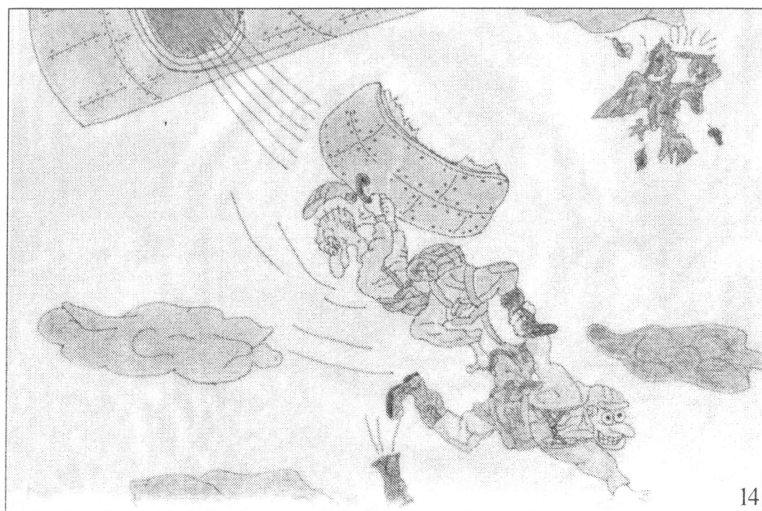

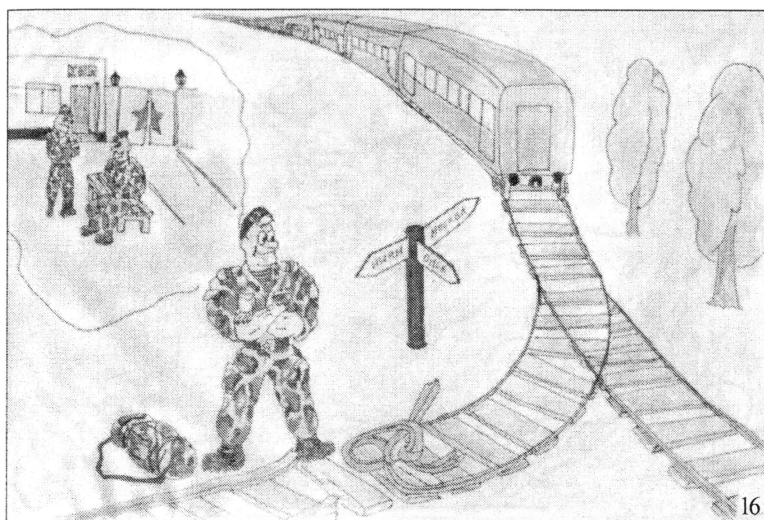

12

13

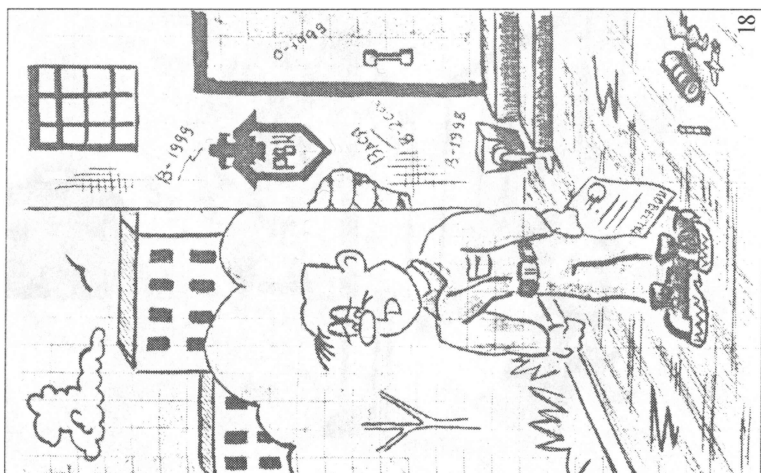
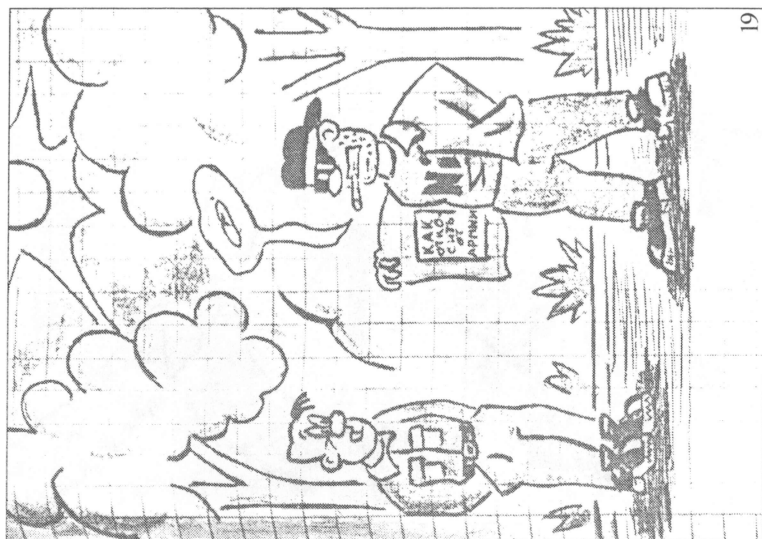

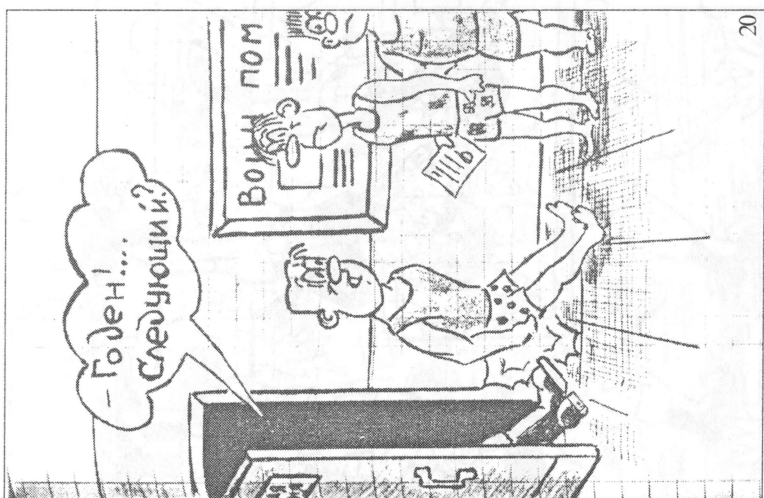
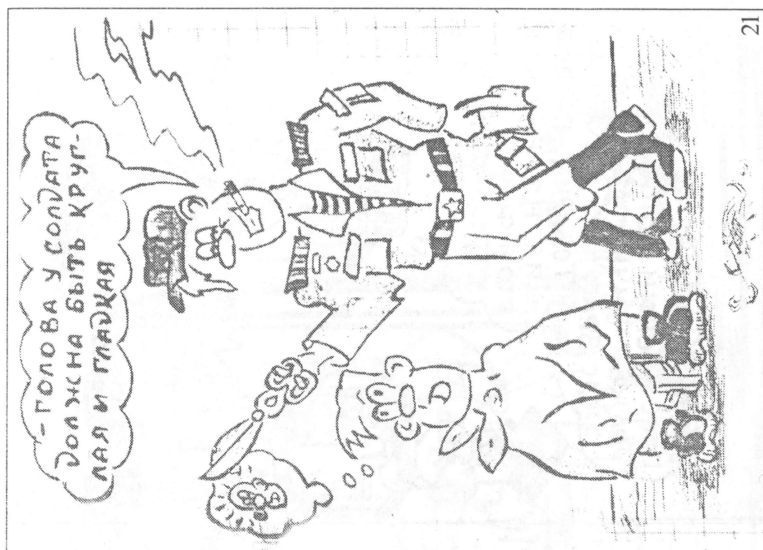

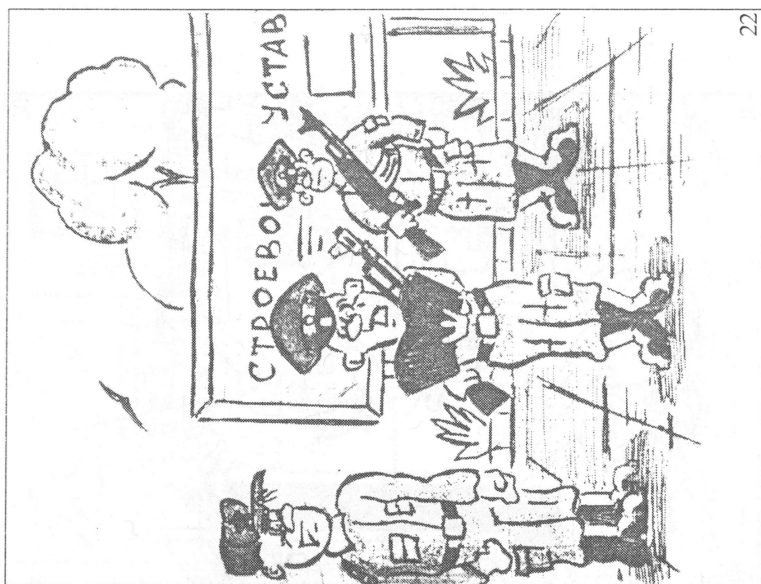
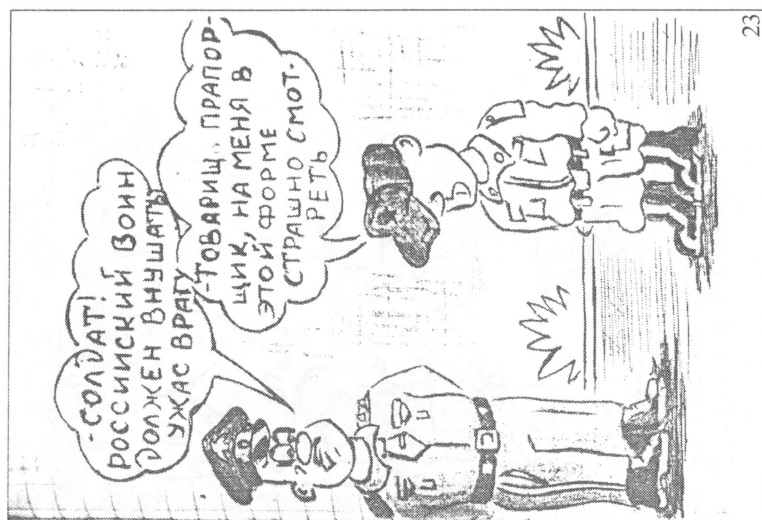
16

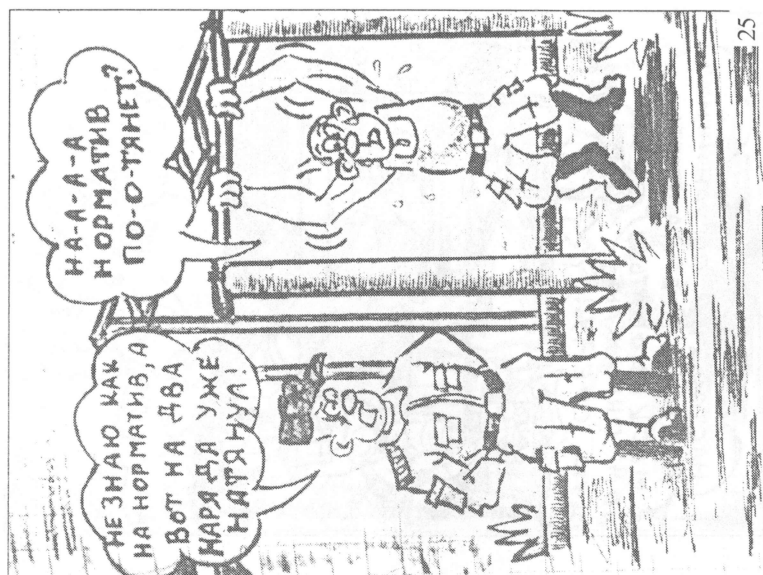

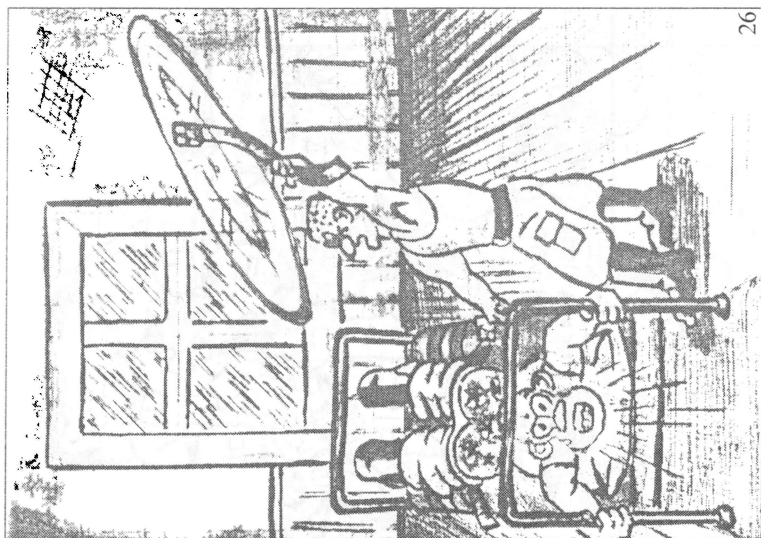
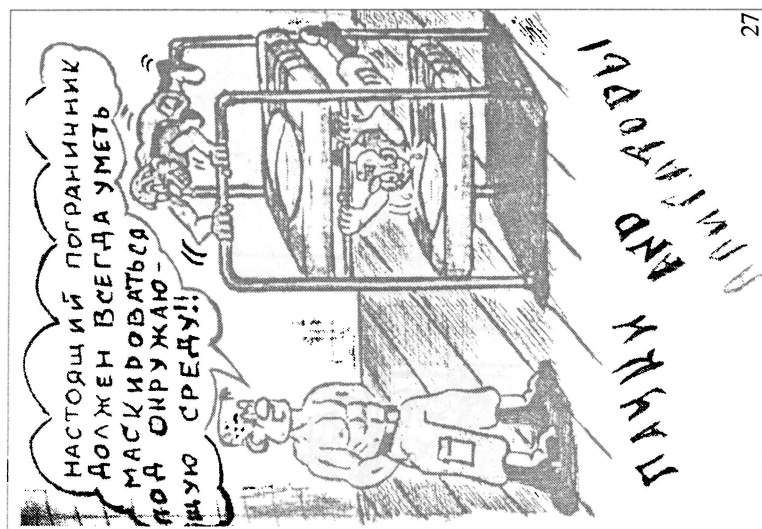
17

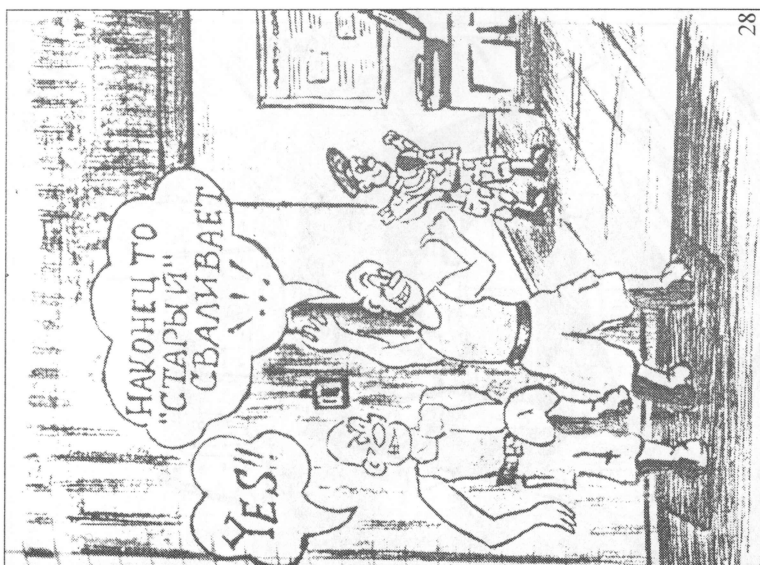
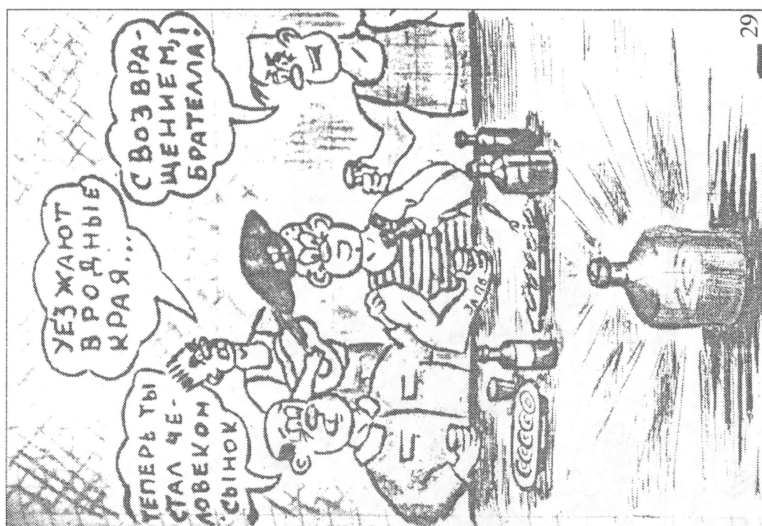

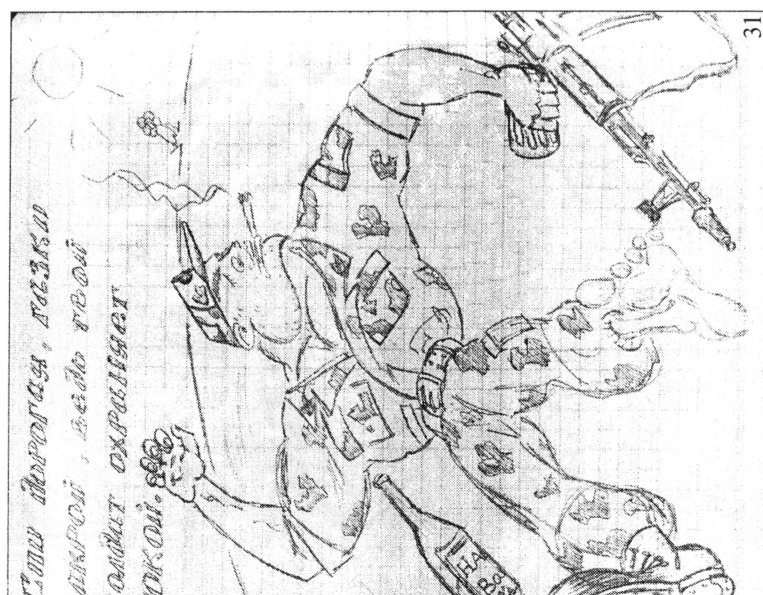
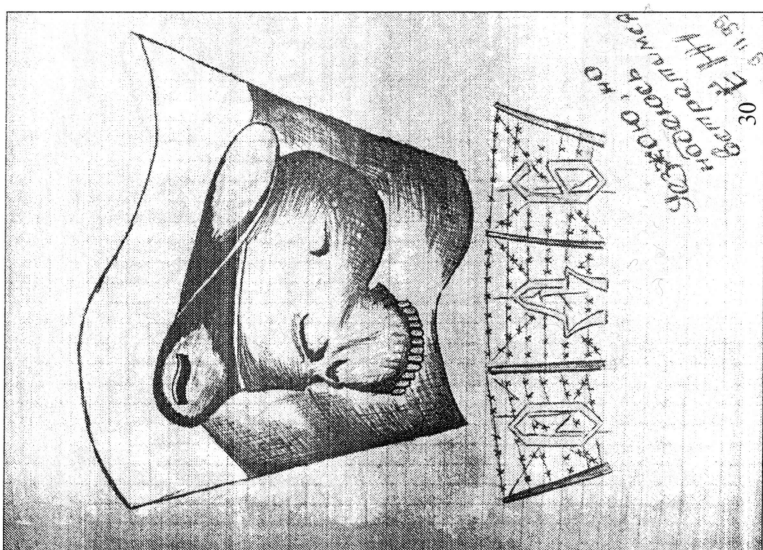

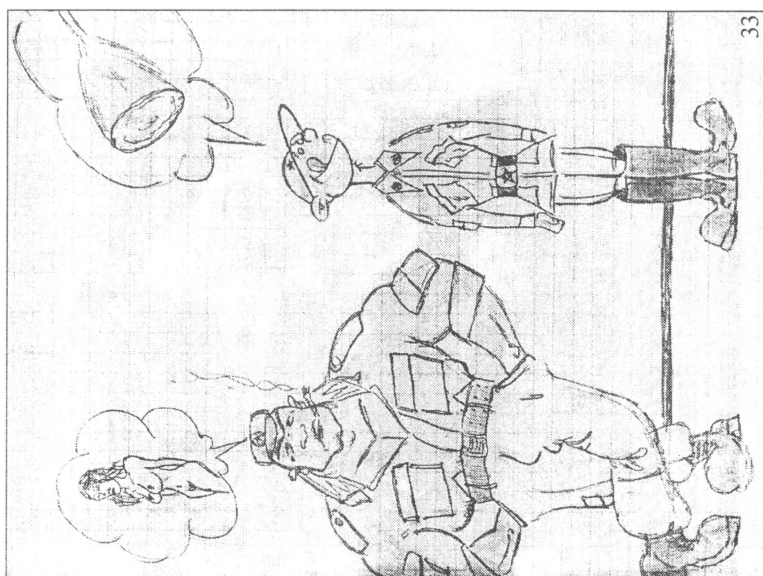

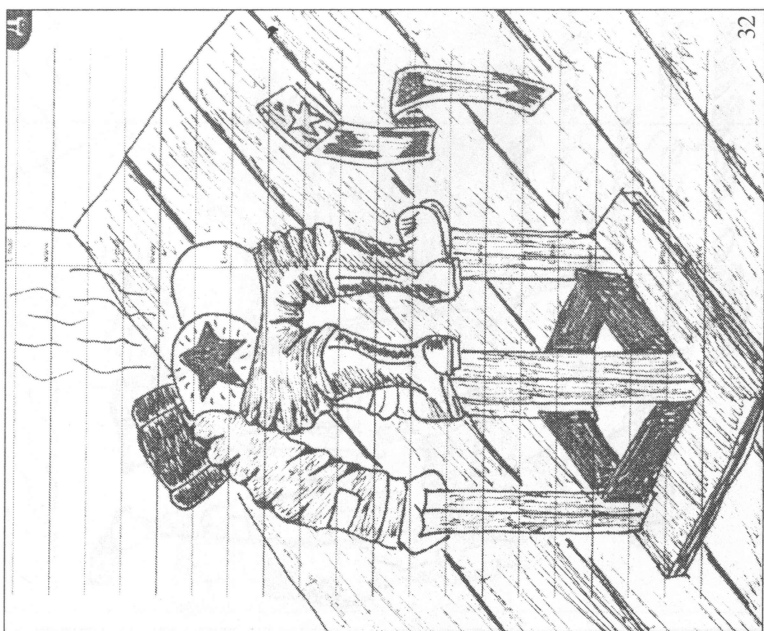

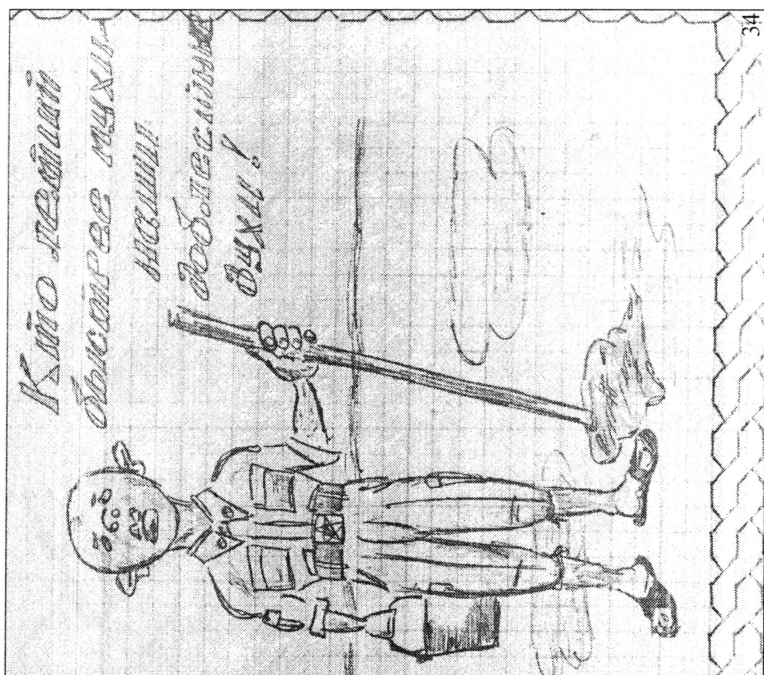

33

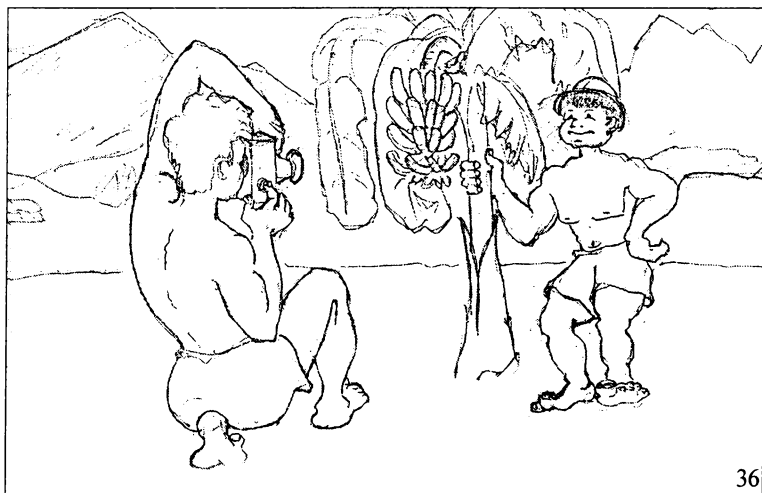

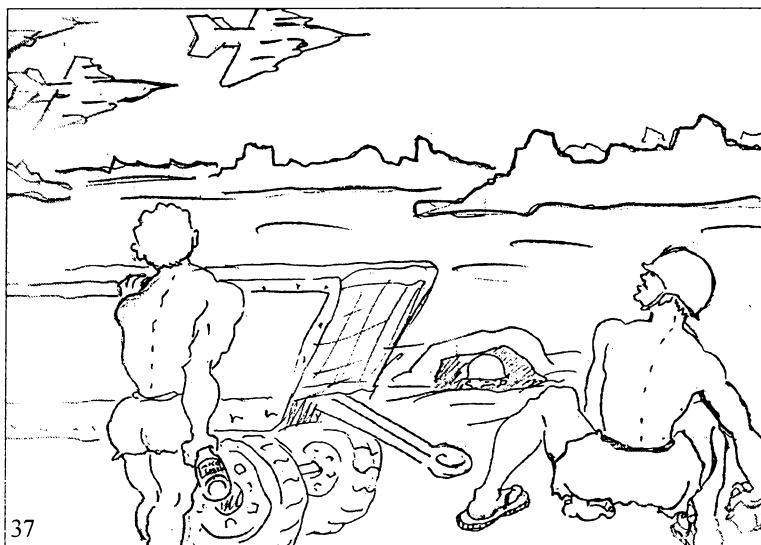
32

44

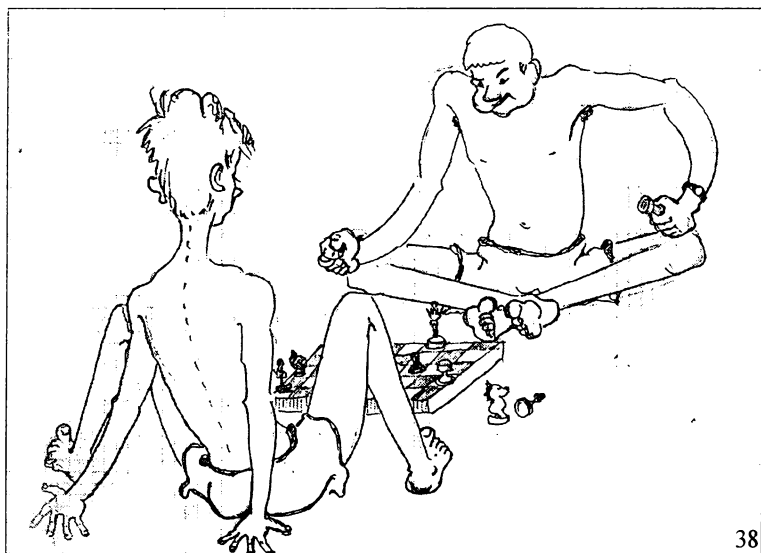

**Карикутуры полковника запаса,
ветерана войны во Вьетнаме
Виктора Сергеевича Брусникина
(архив В.С.Брусникина).**

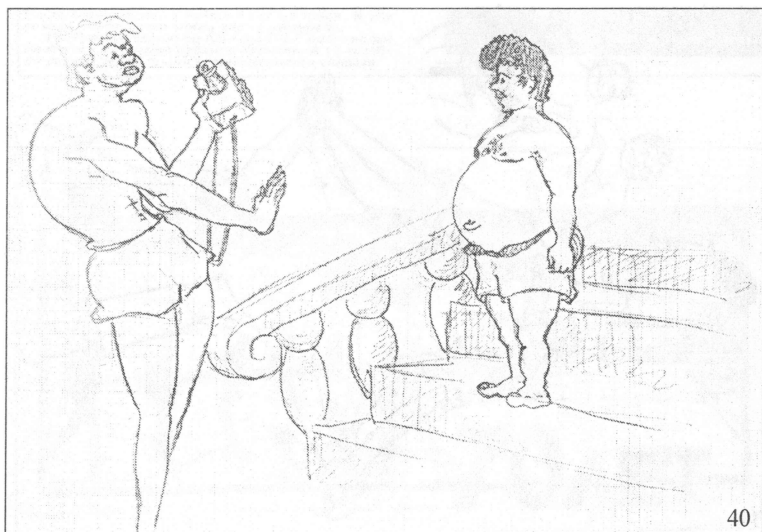
Вьетнам

39

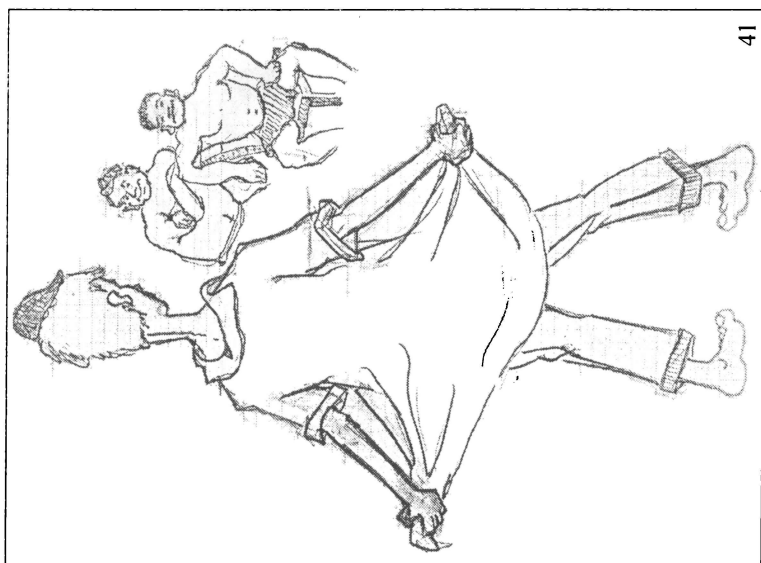
Вьетнам

40

В Ё Т Н А М

**Рисунки участника
миротворческой миссии в Абхазии
и войны на Северном Кавказе
Алексея Грека.**

**Погиб в Чеченской Республике
19 сентября 2002 года
(архив Культурного центра
«Солдаты России»)**

■ ТРАГЕДИЯ

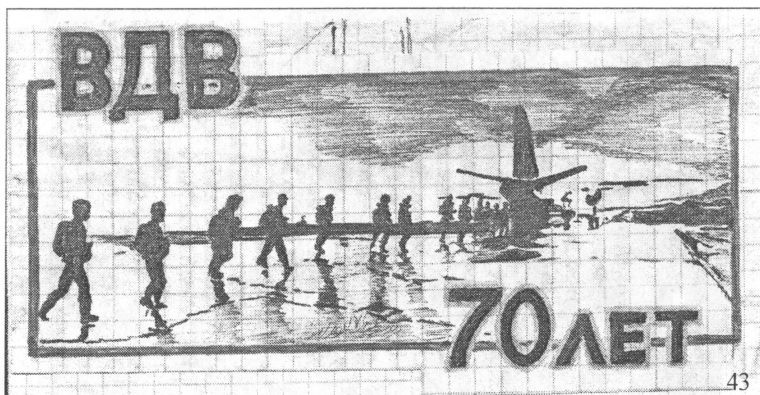
ЕЩЕ ОДИН КАРПИНСКИЙ ПАРЕНЬ ПОГИБ В ЧЕЧНЕ

В Карпинске наступила зима. Снег закрыл дороги и дома. Вечера стали длиннее. Мы ходим по улицам родного города, спешим на работу, торопимся по делам, а в это время в нашей стране идет война. Настоящая война, на которой гибнут люди. И это только кажется, что война нас не касается...

19 сентября карпинец Алексей ГРЕК подорвался на фугасе в селении Верхние Курчалы. А 10 октября родная земля приняла тело молодого солдата.

Алексей Грек был настоящим солдатом.

44

Абхазия

45

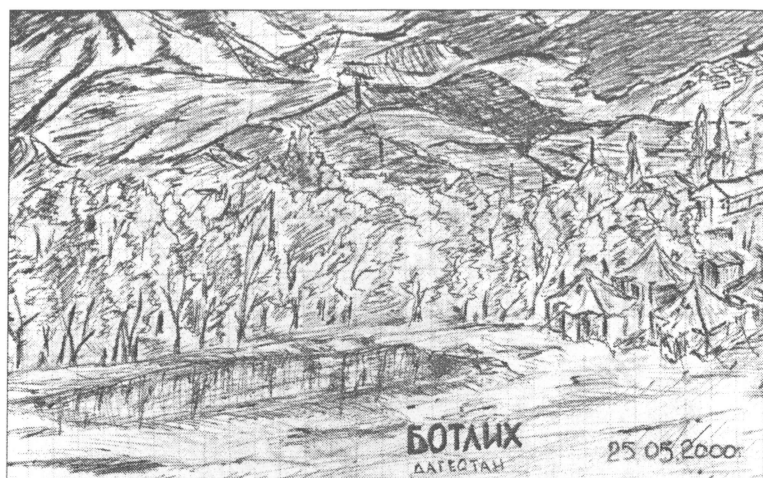

46

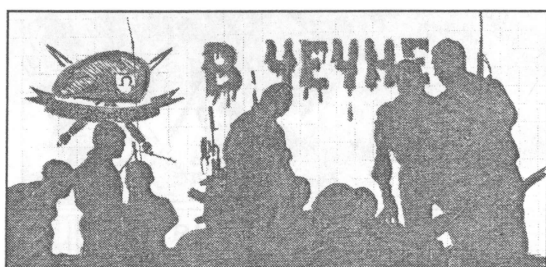
Абхазия

47

Д
а
г
е
с
т
а
н

48

Ч
е
ч
н
я

49

50

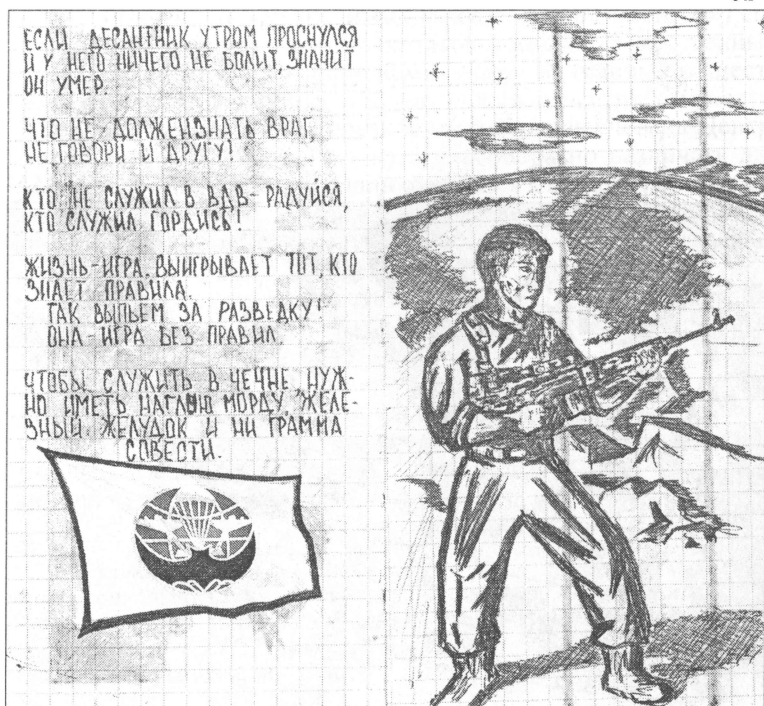

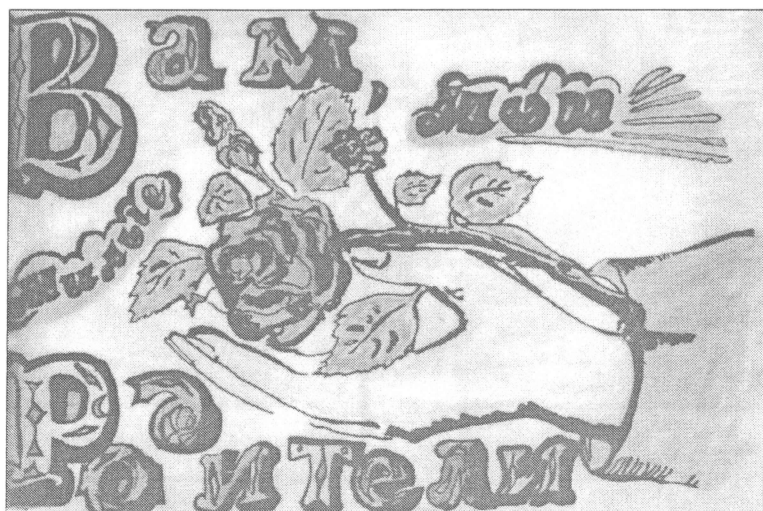

51

Дагестан / Чечня

52

53

54

